
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.Д. Слободенюк, Н.Е. Тихонова
(Москва)

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АБСОЛЮТНОГО И ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ БЕДНОСТИ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ¹

Статья посвящена проблеме изучения бедности в России и характеристике особенностей российских бедных в зависимости от методов их выделения. Показано, что относительный подход к бедности в его депривационной версии обладает в условиях России большими эвристическими возможностями, чем абсолютный подход, хуже улавливающий специфику бедности как социологического феномена. Зафиксирован также ряд особенностей эволюции российской бедности, прослеживающихся вне зависимости от используемых методик ее измерения.

Ключевые слова: бедность, абсолютный подход к бедности, относительный подход к бедности, прожиточный минимум, депривация.

Постановка исследовательской задачи

Масштабные трансформации 1990-х годов, повлекшие за собой серьезные изменения социальной структуры российского

Наталья Евгеньевна Тихонова – доктор социологических наук, зам. директора Института социологии РАН, профессор НИУ ВШЭ. E-mail: netichon@mtu-net.ru.

Екатерина Дмитриевна Слободенюк – аспирант НИУ ВШЭ, факультет экономики. E-mail: slobodenyuked@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках работы по исследовательскому проекту № 09-03-00538а («Формирование низших классов в России: состояние и перспективы»), выполнявшемуся при поддержке РГНФ.

общества, вызвали и всплеск интереса научного сообщества к проблематике бедности [1–12]. Однако в середине 2000-х годов этот интерес начал угасать, хотя именно к этому времени группа бедных как особая группа российского общества окончательно сформировалась. У бедных сложились свои характерные особенности социализации, внутригрупповой поддержки, стиля жизни, общие проблемы. Думается, что во многом такая ситуация с изучением этой группы обусловлена тем, что в российской социологии так и не был достигнут консенсус в вопросах – кого же именно можно считать бедным, а также – как лучше «замерять» бедность.

В связи с этим надо отметить, что в мировой социологии на сегодняшний день сложились два основных подхода к изучению бедности. Один из них был привнесен в социологию экономистами и основывается на сравнении среднедушевых доходов с показателями прожиточного минимума. Этот подход принято называть «абсолютный» и он отвечает логике вертикально-ориентированной стратификации общества [13]. На основании именно этого подхода, официально используемого в нашей стране как основа для измерения бедности, статистика определяет число тех людей, которые рассматриваются как бедные, и именно этот подход используется в России для нужд социальной политики.

Второй подход («относительный») более социологичен. Он начал активно разрабатываться в 1970-х годах [14] и исходит из того, что бедность – это не просто отсутствие денег, а в первую очередь невозможность поддерживать приемлемый и понимаемый как «нормальный» в данном сообществе образ жизни. Бедность, следуя логике этого подхода, – это проблема не недостатка денег, а исключенности из мейнстрима, сопровождающейся различными формами депривации. Структура общества при этом подходе зачастую понимается уже как горизонтально-ориентированная, заключающаяся в существовании ядра общества в лице наиболее успешных его представителей и периферии, к которой в массе своей относятся бедные и малообеспеченные. Одна из разновидностей

относительного подхода методически отталкивается при выделении бедных от списка испытываемых респондентами лишений в «натуральной форме» («депривационный подход» П. Таунсенда [15]), а другая – от соотношения среднедушевых доходов респондентов с медианным их показателями, что позволяет учесть тот порог, ниже которого поддержание определенного образа жизни становится невозможным¹ («медианный» подход есть математическое отражение, или эквивалент депривационного подхода). В рамках депривационной версии относительного подхода, решая задачу его адаптации к реалиям современной России, работали Л. Овчарова [2], Н. Давыдова [4], Н. Тихонова [9], хотя в целом в силу сложности и трудоемкости этого подхода таких исследований сегодня в России мало. Еще реже используется социологами относительный подход к бедности в его «медианной» разновидности. Стоит отметить, однако, что в самое последнее время при анализе бедности этот подход начали активно использовать отдельные российские экономисты [16].

Таким образом, сегодня существуют две кардинально различные методики выделения и анализа бедности, основанные на теоретически разных интерпретациях самого этого феномена. Какая же из этих методик позволяет четко выделить группу бедных в современном российском обществе? Есть ли, и если есть, то в чем заключается специфика групп бедных, выделяемых в рамках каждой из этих методик? Получить ответ на эти вопросы – не только актуальная для современной России, но и важная в теоретическом и практическом отношении задача. Учитывая эти обстоятельства, цель нашего исследования заключалась в определении методики, наиболее точно выделяющей группу бедных в современном российском обществе. Исходя из цели исследования мы поставили следующие содержательные задачи: 1) разработать операционализацию каждого из подходов к выделению бедных применительно к условиям России и с учетом возможностей, предоставляемых

¹ Обычно в качестве такой границы используется 40-60% медианного дохода.

эмпирической базой исследования; 2) оценить специфику и динамику групп, выделяемых в современном российском обществе с помощью каждого из подходов к бедности и 3) определить на этой основе, какая методика обладает большими эвристическими возможностями, т.е. какая из них наиболее информативна и способна точнее, с учетом традиционно приписываемых бедным в рамках опыта их изучения как особой социальной группы в рамках западной социологии, выделить соответствующую группу в структуре российского общества. Кроме того, говоря об эвристических возможностях этих методик, мы имеем в виду также относительно большие возможности того или иного подхода уловить специфику бедности как особого социологического, а не экономического феномена и лучшее качество измерения бедности с их помощью (воспроизводимость при повторных замерах и большая устойчивость выделяемых с их помощью групп).

Эмпирической основой для решения поставленных нами задач стали базы данных РМЭЗ (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения страны), часто называемого также RLMS – панельного исследования, проводимого с 1992 г. К сегодняшнему дню доступны результаты 18 раундов этого исследования¹. Для анализа нами отобраны 10 баз, охватывающие последние 10 лет, а именно: 1998 и 2001–2008 гг. Из анализа исключены: 1999 г. (по причине отсутствия данных РМЭЗ) и 2000 г. (в силу недостаточности статистических данных, необходимых для расчета прожиточного минимума по регионам страны). Базы 1998 и 2008 гг. наиболее показательны, характеризуют начало и конец 10-летнего периода быстрого экономического роста и наибольшего процветания России за последние 20 лет. По этой причине именно на данных за 1998 и 2008 гг. мы сфокусировали основное внимание, а данные за остальные годы использовались лишь для расчета динамических рядов.

¹ Получить полную информацию о выборке исследования, а также доступ к самим статистическим базам можно на его официальном сайте: <http://www.cpc.unc.edu/rlms/>.

Характеристика использованных методов измерения бедности

Подсчет масштабов бедности в соответствии с абсолютным подходом осуществлялся нами через сравнение среднедушевых доходов респондентов разных регионов с прожиточными минимумами, установленными в каждом из рассматриваемых регионов страны за соответствующий год. Показатель среднедушевых доходов рассчитывался как отношение суммы всех денежных средств домохозяйства (заработной платы, различного рода трансфертов, помощи со стороны других домохозяйств и т.д., полученных за последний месяц перед опросом) к количеству членов домохозяйства. Показатели прожиточных минимумов для каждого из регионов страны были взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики (ФСГС РФ). Масштабы бедности по абсолютному подходу рассчитывались отдельно для каждого региона, и в число бедных попадали респонденты, чей среднедушевой доход оказывался меньше регионального показателя прожиточного минимума.

По относительному подходу в его «медианной» версии как бедных мы рассматривали тех респондентов, чей среднедушевой доход был меньше 60% от медианного показателя среднедушевых доходов по всему региону. Пограничное значение в 60% от медианных доходов для каждого региона было выбрано в силу двух причин. Во-первых, именно этот порог обычно используется в наименее развитых странах Южной, Восточной и Центральной Европы, т.е. в тех европейских странах, уровень экономического развития которых наиболее близок к России. Показатель же в 50% от медианы доходов как порог бедности характерен прежде всего для наиболее развитых стран. Во-вторых, выборка РМЭЗ, несмотря на ее достаточную надежность, всё же несколько смещена «вниз», что приводит к некоторому занижению в этом массиве данных медианных доходов по отношению к реальной ситуации в регионах. В-третьих, при любых социологических исследова-

ниях в выборку вообще не попадают верхние 3-4% населения, что также ведет к занижению медианы доходов по сравнению с теми данными, которые обычно используются экономистами при выделении бедных с помощью относительного подхода.

Для расчета масштабов бедности в соответствии с депривационной версией относительного подхода был построен совокупный индекс депривации, основанный на перечне лишений, которые испытывают домохозяйства. Показатели лишений были отобраны с учетом попыток адаптации классических показателей лишений П. Таусенда к российской действительности [2; 9] и возможностей инструментария исследования РМЭЗ за разные годы. В итоге было выделено 11 видов лишений, информация о которых была доступна практически за все годы, данные за которые нами анализировались. В их число вошли следующие виды депривации: 1) респонденты снимают жилье (не имеют собственной жилой площади), 2) объем общей площади на человека в их жилище меньше 12 кв.м, 3) в домохозяйстве нет цветного телевизора, 4) респонденты совсем не покупают фруктов или ягод, 5) респонденты совсем не покупают мяса и мясопродуктов, включая полуфабрикаты из них, 6) респонденты совсем не покупают рыбу и продукты из рыбы, включая полуфабрикаты из нее, 7) респонденты не покупают товары длительного пользования и одежду, 8) респонденты оценивают положение своего домохозяйства, как находящегося в состоянии нищеты, 9) респонденты чувствуют свою полную неспособность изменить ситуацию и одновременно испытывают чувства полного бесправия и беспомощности, 10) респонденты не считают, что имеют возможность обеспечить себя предметами первой необходимости, 11) респонденты снимают часть квартиры/дома (т.е. не имеют отдельного личного жилого пространства и вынуждены его делить с кем-то чужим).

Часть показателей этих лишений имела характер многомерных индексов, которые были построены на основе сразу нескольких переменных из анкеты мониторинга, а часть состояла лишь

из 1 переменной. Однако в любом случае каждый показатель депривации в итоге выступал дихотомической переменной (где единица выступала сигналом о наличии соответствующего признака у респондента, ноль – о его отсутствии). Таким образом, совокупный индекс депривации мог варьироваться в интервале от 0 до 11 баллов.

Определение пограничного значения индекса, позволяющего отделить группу бедных от остального населения, осуществлялось в три этапа. На первом этапе было установлено, что двойное превышение средних и медианных показателей наличия лишений по массиву в целом находится в районе 5–6 баллов¹. Для ответа на вопрос о том, насколько однородна выборка с точки зрения особенностей испытываемых лишений, на втором этапе нами был проведен кластерный анализ методом «*k*-средних», показавший существование двух моделей депривации, скрывающих за собой качественно разные группы бедных. Пограничное значение индекса в 5 баллов было выбрано на основе количества переменных, которые вносили существенный вклад в общую картину депривированности домохозяйств с учетом результатов кластерного анализа. На третьем этапе анализа для подтверждения выбранного значения было изучено частотное распределение различных признаков лишений. Оказалось, что два ключевых признака депривации, отражающих невозможность хотя бы внешне поддерживать стандарт жизни, принятый в сообществе, встречаются чаще, чем в половине случаев уже начиная со значения индекса депривации, равного 5 баллам. В то же время при значении индекса в 4 балла доля испытывающих все значимые лишения существенно снижается.

¹ В данном случае мы ориентировались на аналогию с доходной версией относительного подхода, когда граница бедности проходит на уровне 40–60% медианных доходов. При этом некоторые страны используют для расчетов и показатели средних доходов.

В итоге все те, кто характеризовался пятью и более видами лишений из сформированного списка, включены нами в группу бедных.

Основные результаты применения методик

Общая картина масштабов бедности согласно описанным выше подходам представлена в *табл. 1*. Как видно из данной таблицы, доля бедных в стране постепенно уменьшается и за период 1998–2008 гг. сократилась в разы. Однако ее масштабы таковы, что и в 2008 г. фактически каждый четвертый представитель населения страны попадал в ряды бедных в соответствии с абсолютным подходом, каждый пятый – согласно медианной версии относительного подхода, и практически каждый десятый – в соответствии с депривационной версией относительного подхода, что заметно больше, чем официальные данные ФСГС РФ. Еще более значим, впрочем, тот факт, что 23–35% бедных, выделенных по абсолютному подходу, и 19–46% бедных, выделенных по депривационной версии относительного подхода, в течение всех этих десяти лет оказывались непересекающимися подмножествами. При этом зона пересечения групп бедных, выделенных с помощью трех этих подходов, сократилась почти в 5 раз, что заметно больше, чем сокращение числа бедных, выделенных в рамках каждого из них в отдельности. Это очень важный в методологическом отношении вывод, означающий, что в современной России абсолютный подход и депривационный подход к бедности во многом описывают разных людей. Это – следствие разной концептуализации в них самого феномена бедности, что позволяет учесть различные ее особенности, в том числе и устойчивость принадлежности к группе бедных.

В методологическом плане нами был получен значимый результат, а именно группа бедных, выделенная в соответствии с медианной версией относительного подхода, практически полностью оказалась в группе бедных, выделенных в соответствии с абсолютным подходом. Рассмотрим причины возникновения такой ситуации.

Таблица 1
ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ БЕДНОСТИ, ВЫДЕЛЕННЫХ В СООТВЕТСТВИИ
С РАЗЛИЧНЫМИ ПОДХОДАМИ, % ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА РЕСПОНДЕНТОВ

Подходы	Год									
	1998	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Абсолютный подход	59,1	51,7	43,4	40,3	42,1	36,7	35,2	33,1	26,5	
Относительный подход (медианная версия)	34,6	25,8	25,8	24,5	22,9	23,5	23,7	22,6	21,8	
Относительный подход (депривационная версия)	32,8	27,7	18,4	17,4	14,8	13,4	12,1	9,9	8,4	
Зона пересечение трех подходов	15,5	10,3	7,3	7,0	5,7	5,1	5,0	3,9	3,4	
Доля бедных, выделенных по трем подходам, в общей выборке РМЭЗ за соответствующий год	66,9	60,7	51,5	47,0	46,6	42,2	41,0	38,4	32,5	

Примечание: Данные приведены для всего массива респондентов РМЭЗ, выборка которого, постепенно увеличиваясь по численности, составляла от 10675 человек в 1998 г. до 14028 — в 2008 г.

Как уже упоминалось выше, уровень бедности в соответствии с медианной версией относительного подхода рассчитывается обычно через сравнение показателя среднедушевых доходов респондентов с 40, 50 или 60% его медианы. Граница же в 40, 50 или 60% варьируется от страны к стране в зависимости от того, какую долю расходов домохозяйства составляет слабоэластичное потребление, связанное с обязательными статьями расходов. Для более богатых стран описываемый показатель ниже, для менее богатых, соответственно, выше, отражая необходимое количество денежных средств, на которое человек может обеспечить себе минимально приемлемое существование, характерное для сообщества, членом которого он является.

Данный подход, опираясь на медиану доходов как отправную точку, сильно зависит не только от степени развитости экономики страны, но и от равномерности распределения доходов населения в обществе. Россия же на сегодняшний день может быть охарактеризована как страна не просто с очень глубоким социальным неравенством, но и с большим разрывом между среднедушевыми и медианными доходами, а также с очень низким уровнем медианных доходов¹. По этой причине медианный уровень среднедушевых доходов становится очень близким к показателю прожиточного минимума, а подмножество, выделяемое медианной версией относительного подхода, практически полностью перекрывается подмножеством, выделенным в соответствии с абсолютным подходом.

Такая ситуация складывается вследствие нескольких обстоятельств. Во-первых, многие регионы России действительно очень бедны, и близость показателей прожиточного минимума и медиан-

¹ Судя по данным РМЭЗ (впрочем, как уже отмечалось, несколько «смещенным вниз»), часть регионов в 2008 г. находились в такой ситуации, когда медианный уровень их среднедушевых доходов оказался даже ниже черты официального прожиточного минимума.

ного дохода в них имеет объективные причины. Ярким примером такого региона в выборке РМЭЗ может послужить Алтайский край. Во-вторых, имеет место манипулирование показателем прожиточного минимума со стороны региональных властей. Дело в том, что рекомендованная регионам методика расчета прожиточного минимума позволяет им (властям) по своему усмотрению варьировать величиной прожиточного минимума примерно в диапазоне 10% (это связано с тем, что норматив расходов на продукты питания допускается методикой его расчета в диапазоне 60–66%). Соответственно, регион, обладающий сильным лобби, устанавливает максимально возможный прожиточный минимум для получения дополнительной помощи от федерального центра, результатом чего становится сближение показателей прожиточного минимума и медианного дохода. Ярким примером такого региона в выборке РМЭЗ может служить Пензенская область. При этом власти регионов, не имеющие шансов на дополнительную помощь, стремятся установить границу прожиточного минимума как можно ниже, чтобы сократить число потенциальных получателей пособий, т.е., увеличивая разрыв между медианным доходом и прожиточным минимумом, они (власти) тем самым занижают число бедных по сравнению с аналогичными показателями регионов первой группы. Наконец, в-третьих, существуют отдельные регионы, где социальная политика достаточно сильна и направлена на поддержание большего равенства членов общества, активную социальную помощь в ней нуждающимся. При такой позиции показатель прожиточного минимума устанавливается региональными властями относительно выше, чем в большинстве других регионов, что позволяет увеличить число людей, имеющих право на субсидии, пособия и т.п. Параллельно существуют либерально-ориентированные регионы, где размер прожиточного минимума, наоборот, занижается. Таким образом, на ситуации с прожиточным минимумом заметно сказывается и тот факт, что в стране существует достаточно ярко выраженная региональная дифференциация социальной политики.

В итоге взаимоналожения всех этих факторов простой на первый взгляд вопрос о выделении группы бедных на основе соотношения их доходов с прожиточным минимумом оказывается отнюдь не прост в силу особенностей применяемой в нашей стране методики расчета прожиточного минимума. Исходя как из этого, так и из практически полного совпадения группы, выделенной в рамках медианной версии относительного подхода, с полученной при применении абсолютного подхода группой бедных, мы приняли решение анализировать в дальнейшем только группы, выделенные согласно депривационной версии относительного подхода (далее для краткости будем называть ее просто «относительный подход», так как медианная версия последнего нами использоваться уже не будет) и абсолютному подходу, а также область их пересечения («ядро бедности», т.е. те, кто одновременно имел 5 и более баллов по индексу депривации и находился ниже регионального прожиточного минимума).

Специфика групп бедных, выделяемых в рамках абсолютного и относительного подходов

Анализ возрастного распределения показывает, что группа, выделенная в соответствии с абсолютным подходом, состоит в большей степени из людей достаточно молодых, а с депривационным – предпенсионного и пенсионного возрастов. Несмотря на это, обе эти группы характеризуются относительно большим удельным весом в их составе людей молодых и средних лет. Этот факт опровергает широко распространенное суждение о том, что бедность в России представлена по большей части пенсионерами. Любопытно при этом, что ядро бедности отличается меньшей долей как молодых, так и пожилых людей, концентрируясь преимущественно в средней (30–40 лет) возрастной когорте.

Территориальная локализация бедных также достаточно сильно отличается от той, что характерна для остальной, более успеш-

ной части населения (*рис. 1*). Благополучное население проживает чаще в городах и областных центрах (около 80% от общего числа благополучного населения), в то время как неблагополучные слои населения, объединяющие попавших в число бедных в рамках хотя бы одного из подходов, в половине случаев проживают в сельской местности. При этом ядро бедности относительно равномерно распределено как в городах, так и в селе.

В то же время динамика территориального распределения групп бедных, выделенных в рамках абсолютного и относительного подходов, свидетельствует, что мы имеем дело с разными в социологическом смысле феноменами. Так, последние 10 лет представители группы бедных, выделенных с помощью абсолютного подхода, и первоначально равномерно распределившиеся по разным типам поселений, постепенно смещались в сельскую местность (60% группы). В группе же, выделенной посредством депривационного подхода, наблюдается постепенное смещение ее представителей в более крупные города (прежде всего областные центры) с небольшим сокращением доли жителей сельской местности. Видимо, стоимость жизни в крупных российских городах растет такими темпами, что даже повышающийся размер доходов их жителей все в меньшей степени позволяет им удовлетворять свои базовые потребности.

С точки зрения среднего размера домохозяйств для бедных, выделенных посредством депривационного подхода, в большей степени характерны малые домохозяйства (2 человека). Ядру бедности свойственны семьи такого же размера (т.е. 2 человека), однако в начале рассматриваемого периода (1998 г.) наиболее типичными (треть группы) в нем были домохозяйства, состоящие из 4 человек. Абсолютный подход, напротив, выделяет чаще большие и многопоколенные семьи, средней численностью в 3–4, нередко 5 человек.

Как видно из *табл. 2*, отличительной особенностью всех рассматриваемых групп можно считать также относительно большую представленность в них женщин. Однако наиболее ярко эта особенность проявляется в группе, выделенной с помощью

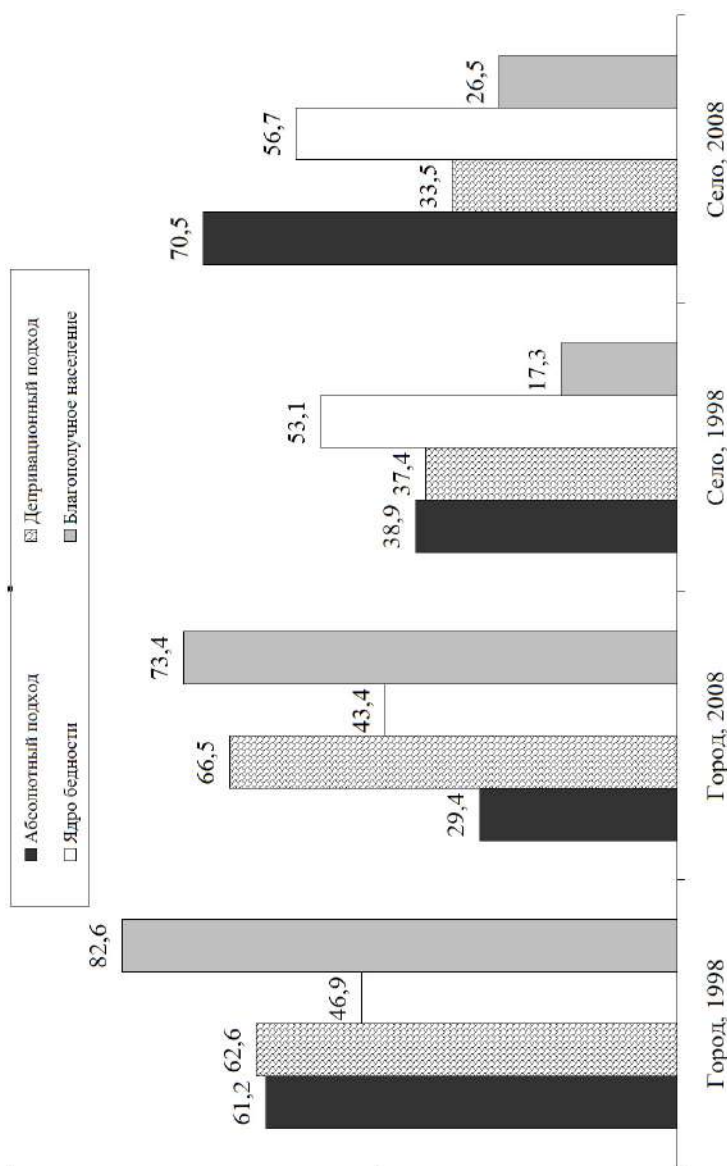

Рис. 1. Динамика места проживания бедных, распределение членов каждой группы между городом и селом в 1998-м и 2008 гг., в %

депривационного подхода, а также в ядре бедности. Причем эта особенность во всех группах бедных с годами усилилась.

Таблица 2

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В
АНАЛИЗИРУЕМЫХ ГРУППАХ, В % ОТ ЧИСЛЕННОСТИ ГРУППЫ

Год	Пол	Подход		Ядро бедности	Все население
		Депривационный	Абсолютный		
1998	Мужской	41,1	45,4	44,1	45,6
	Женский	58,9	54,6	55,9	54,4
2008	Мужской	39,2	43,9	41,2	43,5
	Женский	60,8	56,1	58,8	56,5

Среди других особенностей социально-демографических характеристик обобщенного портрета российской бедности, полученного в рамках двух разных подходов к ее выделению, – специфика семейного положения представителей бедных слоев. Для всего населения страны, как и для бедных, наиболее характерно пребывание в официально зарегистрированном браке. Однако среди бедных доля такого рода домохозяйств менее 50%, а среди остального населения – больше половины. Более того, этот показатель падает практически в 2 раза в ядре бедности. Параллельно с этим за 10 лет во всех слоях увеличилась доля незарегистрированных браков, но если в благополучных слоях их доля выросла меньше чем на треть, то среди бедных – в среднем в полтора раза. При этом ядро бедности отличает то, что здесь рассматриваемый показатель вырос практически вдвое и стал равен 17,1% группы. Среди других наиболее значимых особенностей можно выделить увеличение доли разведенных и вдовых во всех группах бедных.

Таким образом, бедные домохозяйства, выделенные с помощью относительного подхода, оказываются по своим демо-

графическим особенностям гораздо ближе к классическому портрету бедности в развитых странах, нежели выделенные с использованием абсолютного подхода [17; 18]. И наиболее ярко эта близость просматривается в крупных городах, заметно обогнавших по уровню своего экономического развития остальные типы российских поселений. В содержательном плане это означает, что в России формирование бедных слоев населения идет в последние десятилетия по той же модели, что и на Западе, а в методическом – что относительный подход в его депривационной версии позволяет точнее выделить и измерить тот тип бедности, который характерен для развитых современных обществ.

Интересно отметить также тот факт, что во всех рассматриваемых группах бедных более половины их представителей не имеют работы (причем в ядре бедности этот показатель составляет около двух третей группы). В группе, выделенной с использованием абсолютного подхода, процент работающих наиболее высок и стабилен, с помощью депривационного – процент меньше, однако за десять лет доля работающих членов группы увеличилась на 7%. В ядре же бедности доля работающих упала за 10 лет более чем на 9%, что также, как и особенности их брачности, свидетельствует об их все большей люмпенизации. Эти тенденции сохраняются и при контроле возраста данной группы.

Последним значимым штрихом к общему портрету бедности в России можно назвать распределение показателей лишений, вошедших в совокупный индекс депривации (*рис. 2*). На *рис. 2* представлены данные двух непересекающихся подмножеств, выделенных на основе абсолютного (группа 1) и депривационного (группа 2) подходов (не включающих в себя ядро бедности как зону, охватываемую обоими подходами одновременно). Последняя дана на нем отдельно (группа 3), как и вся совокупность относительно благополучного населения страны (группа 4), не попадающего в состав бедных ни по одному из подходов. Данные по первым двум группам позволяют наглядно проследить

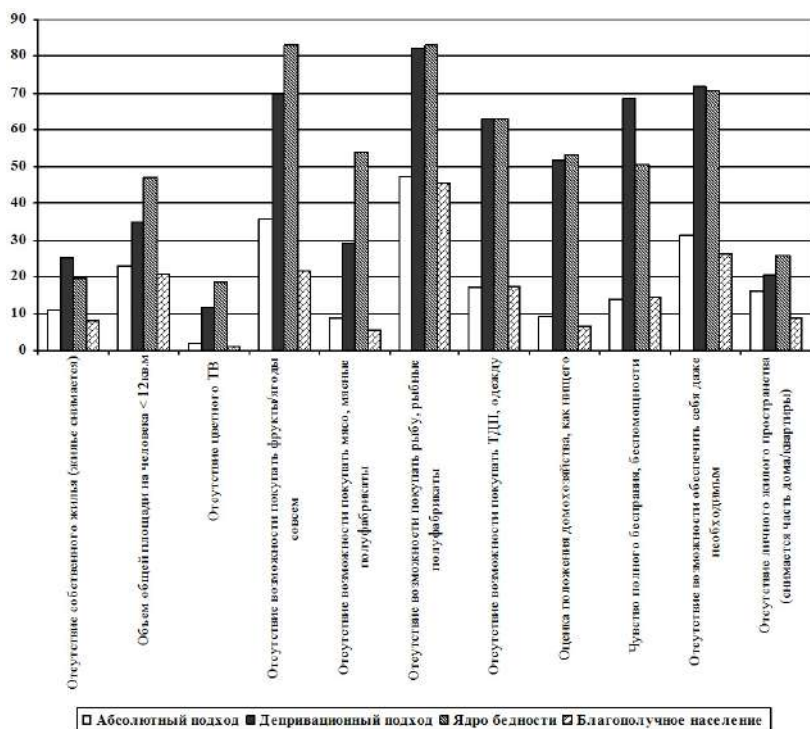

Рис. 2. Лишения, испытываемые представителями разных групп бедных и относительно благополучным населением в 2008 г., в % от численности соответствующих групп

характерные черты, улавливаемые обоими рассматриваемыми подходами. Лишений, свойственных более чем половине хотя бы в одной из выделенных групп бедных, оказалось 7 из общего списка в 11 позиций. В их числе отсутствие возможности покупать рыбу, мясо, фрукты/ягоды, а также продукты и полуфабрикаты из них, приобретать товары длительного пользования, обновлять одежду по мере необходимости, приобретать товары первой необходимости, а также – ощущение полной нищеты и бессилия в попытках исправить ситуацию.

Начало анализируемого периода (1998 г.) характеризуется существенно большей депривированностью (большим числом людей, испытывающих лишения) во всех группах. К 2008 г. число испытываемых лишений сократилось в группах 1 и 4, при этом мало изменившись в рамках двух других. Для благополучного населения остаются характерными только два лишения – отсутствие возможности покупать рыбу и рыбопродукты, а также ягоды и фрукты, причем значимость второго показателя плавно снизилась вдвое к концу анализируемого периода, а первый остался практически неизменным.

Степень депривированности ядра бедности и группы, выделенной в соответствии с депривационным подходом, существенно выше: более двух третей респондентов в каждой из них не могут себе позволить обновлять гардероб, покупать продукты длительного пользования (телевизор, холодильник, телефон, мебель и др.), предметы первой необходимости, ощущают свое полное бессилие в сложившейся ситуации. Более половины членов этих групп оценивают свое положение как пребывание на низших ступенях общества. Представители ядра бедности, в отличие от всех остальных (и в этом их специфика), более чем в половине случаев не могут позволить себе приобретать не только рыбные продукты, фрукты или ягоды, но и мясо, вплоть до любых мясопродуктов и полуфабрикатов из них. Доля проживающих в тесноте по сравнению с 1998 г. в этой группе выросла и практически стала равна 50%.

Для бедных, выделенных в соответствии с депривационным подходом, характерно иное – практически 70% их находятся в очень тяжелом эмоциональном состоянии, ощущают свою полную беспомощность, невозможность каким-либо образом повлиять на ситуацию, в которой они находятся. И этот показатель, несмотря на общее улучшение экономического положения в стране за 10 лет, вырос за это время в данной группе практически на 20%. При этом лишения, связанные с невозможностью приобретать продукты

первой необходимости, оставались в этой группе практически неизменными весь рассматриваемый период.

Во всех рассматриваемых группах бедных выросло за это время число домохозяйств, лишенных личного пространства и снимающих часть квартиры или дома, что также свидетельствует об идущих в их среде процессах люмпенизации – ведь использованная база данных РМЭЗ построена с учетом многомерного контроля обеспеченности жильем, и десять лет назад признаки жилищной депривации (не только отсутствие своего жилья, но и проживание в тесноте и т.д., вынуждающие снимать жилье при наличии хоть какого-го собственного) прослеживались в этой группе слабее. В первой группе (бедных согласно абсолютному подходу) этот показатель вырос более чем в 2 раза, в двух других – более чем в 1,5 раза.

Обобщая наиболее значимые отличительные черты групп, выделенных по двум подходам к бедности, можно констатировать тот факт, что бедные, выделенные в соответствии с абсолютным подходом, по большей части представлены относительно крупными домохозяйствами, насчитывающими в среднем 3–5 человек и относительно чаще многопоколенными, – ведь абсолютный подход выделяет в составе бедных большое количество молодых людей, в частности детей моложе 18 лет. Из этого вытекает и тот факт, что на работающих членов домохозяйств ложится большая иждивенческая нагрузка. Те бедные, которые выделены при помощи абсолютного подхода, сосредоточены преимущественно в сельской местности и испытывают относительно слабо выраженную депривацию, причем распространенность различных лишений за последние 10 лет в этой группе снизилась. Иными словами, представители данной группы, хоть и обладают скудными денежными средствами, всё же могут обеспечить себе более или менее приемлемое существование, способны приобретать предметы первой необходимости, покупать разнообразные продукты питания. Это отражается на их существенно лучшем психологическом со-

стоянии, чем это характерно для бедных, выделенные в рамках депривационного подхода.

Говоря же об особенностях последних, в первую очередь нужно отметить, что согласно депривационному подходу выделяется гораздо более компактная группа бедных, которые в большинстве своем не попадают в число бедных, выделенных по абсолютному подходу, хотя глубоко депривированы и не имеют возможности покупать фрукты, рыбу, одежду и товары длительного пользования, предметы первой необходимости. Они испытывают тяжелые лишения, не имеют возможности обеспечить себя необходимым для организма количеством мясной белковой и растительной пищи, и, как показывают предшествовавшие исследования авторов данной статьи, экономят даже на детях. Эти люди не могут купить себе даже самой дешевой одежды и обуви, поддерживать предметную среду своего обитания, своевременно заменяя приходящие в негодность скромные предметы своего домашнего имущества. Таким образом, несмотря на то что, судя по величине их доходов, они, казалось бы, должны быть в меньшей степени стеснены в денежных средствах, реально они испытывают их острую нехватку даже на минимальное текущее потребление, что, видимо, связано со спецификой их расходов в силу растущей стоимости жизни в крупных городах. Данная группа характеризуется наивысшим показателем тревожности, ощущения собственного бесправия, беспомощности и нищеты. Возможно, острота этих переживаний во многом объясняется тем, что в городской местности, особенно в крупных городах, где в большей степени сосредоточена эта группа, глубина существующих сегодня в России социальных неравенств не просто заметна – она, что называется «бьет в глаза».

Ядро бедности как зона пересечения групп, выделенных с помощью рассматриваемых подходов, характеризуется тем, что процент неработающих ее представителей превышает две трети численного состава группы. Лишь треть членов группы состоят в зарегистрированном браке, причем число разведенных и вдовых в

ней растет. Данную группу также отличает то, что ее представители чаще других бедных живут в незарегистрированном браке, и доля таких браков за десять лет выросла практически вдвое. Ядро бедности оказалось наиболее территориально устойчивым в течение всего рассматриваемого периода – доли его членов, проживающих в городах и селах, практически не изменились, зато достаточно интенсивно увеличивалась доля лиц, не имеющих работы. При этом представители ядра бедности столь же глубоко депривированы, как и попавшие в бедность только согласно депривационному подходу.

Подведем итоги. Два использованных подхода к выделению бедных, связанные с разным пониманием феномена бедности, выделяют в российских условиях разные социальные группы. По своим характеристикам ядро бедности, характеризующееся не просто максимально яркими особенностями жизни бедных, но и быстро идущими в нем процессами люмпенизации, ближе к портрету группы бедных, выделенных в соответствии с депривационным подходом. Как этот факт, так и специфика выделенных с помощью этих подходов групп позволяют считать, что относительный подход к бедности в его депривационной версии обладает в условиях России большими эвристическими возможностями, чем абсолютный подход, хуже улавливающий специфику бедности как социологического феномена.

В ходе работы был выявлен также имеющий важное методологическое значение парадокс, который был назван нами «русский парадокс медианного подхода». Суть его заключается в том, что этот широко используемый в западных странах аналог депривационного подхода оказался неприменим в его традиционном виде в российских условиях даже в максимально мягкой форме. Это скорее означает, впрочем, что медианную версию относительного подхода необходимо серьезно адаптировать к российским реалиям, а вовсе не ее принципиальную неприменимость.

В результатах исследования обратил на себя внимание и тот факт, что группа, названная нами «ядро бедности», оказалась очень похожа на классический андеркласс. Кроме того, выводы, полученные при характеристике группы российских бедных в динамике за 10 лет, наглядно демонстрируют не только все большую близость ядра бедности к «классическому» андерклассу [19], но и близость бедных, выделенных в рамках депривационной версии относительного подхода, к «классическому» портрету низших классов. Мы имеем в виду женское лицо бедности, высокий процент гражданских браков, постепенное перемещение представителей этой группы бедных в городскую местность, их глубокую депривированность, в том числе и в жилищном плане, и т.д. Изучение выявленной тенденции превращения этой группы в андеркласс, как и задача адаптации к российским условиям относительного подхода, представляют собой интересные области для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова А.Л., Гришина Е.Е.* Городская бедность в России и социальная помощь городским бедным. М.: Фонд «Институт экономики города», 2004.
2. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Научный доклад Центра Карнеги. М., 1998. Вып. 24.
3. *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социол. исслед. 2007. № 5.
4. *Давыдова Н.М.* Депривационный подход в оценках бедности // Социол. исслед. 2003. № 6.
5. *Заславская Т.И.* Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. Вып. 3.
6. *Овчарова Л.Н.* Бедность в России // Мир России. 2001. № 1.
7. *Овчарова Л.Н.* Доходы и социальные услуги, неравенство, уязвимость, бедность. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
8. *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация в России // Социол. исслед. 2004. № 4.
9. *Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.

10. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007.
11. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. Н.Е. Тихоновой, М.К. Горшкова. М.: Наука, 2004.
12. Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социол. исслед. 1994. № 3.
13. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Обществ. науки и современность. 2001. № 2.
14. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979.
15. Townsend P. Deprivation // Journal of Social Policy. 1987. Vol. 16. Part 2.
16. Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики // Вестник Института социологии. 2010. № 1.
17. Разумов А.А., Ягодкина М.А. Бедность в современной России. М.: Формула права, 2007.
18. Российский статистический ежегодник. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009.
19. Fainstein N. A Note of Interpreting American Poverty // Urban Poverty and the Underclass / Ed. by E. Mingione. Oxford: Blackwell Publishers, 1996.